

LIBRARIES
UNIVERSITY OF WISCONSIN - MADISON

Журнал журналов [Zhurnal zhurnalov]. No. 2 [1906]

Sankt-Peterburg: N.P. Malinovskii, [1906]

<https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/E6TC2EPLWKXZL83>

<http://rightsstatements.org/vocab/NoC-US/1.0/>

The libraries provide public access to a wide range of material, including online exhibits, digitized collections, archival finding aids, our catalog, online articles, and a growing range of materials in many media.

When possible, we provide rights information in catalog records, finding aids, and other metadata that accompanies collections or items. However, it is always the user's obligation to evaluate copyright and rights issues in light of their own use.

Годъ 1.

№ 2.

Цѣна 10 коп.

ЖУРНАЛЪ ЖУРНАЛОВЪ

*The Journal
of Journals*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Рукописи и рисунки для „Журнала Журналовъ“ должны быть съ обозначеніемъ желаемого гонорара и за подписью автора. При неисполненіи перваго условія — размѣръ гонорара опредѣляется Редакціею. Возвратъ рукописей для Редакціи необязателенъ. Рисунки — возвращаются безусловно. Редакторъ принимаетъ по Вторникамъ и Субботамъ, отъ 6—8 вечера.

ПРОРОКЪ.

Пророкъ, неузнанный въ отечествѣ своемъ,
Онъ правду цѣль,
И голосъ мощный, словно Божій громъ,
Въ сердцахъ гремѣль.
И пѣсни дивныя носились какъ орлы
Среди людей,
Бросали искры—въ мертвые углы—
Живыхъ идей.
И искры тѣ во тьмѣ пожарами зажглись—
И мракъ исчезъ,
И пѣсни тѣ людей манили въ высь,
Къ звѣздамъ небесъ.
Какъ солнце сильная пророка пѣснь была—
Творила вновь:
И воскресали метрвыя тѣла,
Жила любовь.
Врагъ правды пѣсень тѣхъ правдивыхъ трепеталь
Стыдомъ объять,
Тѣ пѣсни слыша въ ужасѣ рыдалъ
Преступный братъ...
Гдѣ пѣснь его поймутъ—горятъ сердца огнемъ—
Тамъ жизнь и свѣтъ!
Тамъ ненавистенъ гнетъ владыки надъ рабомъ:
Оковъ тамъ нѣтъ!
Ты—тоже человѣкъ!—рабу онъ такъ сказалъ,—
Всѣ—братья мы...
Сознанья свѣтъ потемки пронизаль
Былой тюрьмы.
Прозрѣли очи,—къ жизни манить лѣсъ,—
Кошмаръ пропаль:
Вчерашній рабъ душою вдругъ воскресъ—
Свободнымъ сталъ.
Грудь дышетъ такъ легко; исчезъ позорный гнетъ,—
Онъ—человѣкъ,
А не безмысленный, продажный великій скотъ
На цѣлый вѣкъ...
А гдѣ-жъ великій онъ—незнаемый пророкъ?
Его чело
Лавровый увѣнчалъ уже вѣнокъ?—
Свершилось зло!—
Въ ужасную тюрьму врагами заключенъ
Пѣвецъ—пророкъ;
Изъ тернія колючаго сплетенъ
Ему вѣнокъ:
За пѣснь любви, за пѣснь свободы онъ
Страдаетъ тамъ...
Но пойманный орелъ еще не побѣжденъ;
Своимъ врагомъ
И въ клѣткѣ страшенъ онъ.: Для духа нѣтъ стѣнъ—
И онъ парить,
Ему ничто жестокий, тяжкій плѣнъ:
Онъ побѣдитъ!
Она побѣдитъ, онъ цѣпи всѣ порветъ
Своихъ оковъ.
Разрушится тюрьма, но вѣчно связь живетъ
Безсмертныхъ словъ.
Для слова надшій мѣръ не выковаль цѣпей—
Такихъ нѣтъ силъ—
И слово вѣчное живетъ среди людей,
Среди могилъ!...

Н. Морозовъ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Миноваль ужасный, кошмарный годъ, годъ избѣній и убійствъ, жестокихъ, адекихъ мученій и лишеній, годъ непрерывныхъ операций надъ русскимъ народомъ, годъ всесвѣтнаго позора Россіи, годъ разоренія, обнищанія народа, годъ безславной войны и позорнаго мира, годъ освобожденія и еще большаго закабаленія народа, годъ безвластія и многовластія, годъ великой революціи и ужасной анархіи, годъ провозглашенія священныхъ правъ человѣка и звѣрскаго надруганія надъ личностью его, годъ благородныхъ жертвъ свободы и хамскаго издѣвательства надъ ней, годъ безумныхъ надеждъ и проклятій отчаянія, годъ социальной правды и социальныхъ утопій, годъ объединеній и неукротимаго разброда, годъ яркаго сіянія умовъ и дѣяній безпросвѣтной глупости, годъ пролетарской надменности и буржуйной трусости, годъ гибели старыхъ боговъ и поклоненія новымъ идоламъ...

Проклятый годъ, наконецъ, ты канулъ въ вѣчность. Сколько ты похоронилъ въ могилахъ молодыхъ, сильныхъ, честныхъ, благородныхъ; сколько погибло героевъ долга и титановъ свободы. Сколько оставилъ ты изуродованныхъ, искалѣченныхъ. Сколько слезъ пролито, сколько семействъ осиротѣло. Сколько бѣдныхъ ты сдѣлалъ нищими, сколькихъ выбросилъ на улицу безработныхъ. Сколькихъ ты довелъ до преступленій. Въ какихъ только городахъ и всѣхъ не гибло общерусское достояніе отъ грабежей и пожаровъ. Сколькихъ ты заставилъ пухнуть отъ голода. Кого ты только не угнеталъ стихійными бѣдствіями. Ты стономъ покрывъ землю русскую и раны народа нестерпимы даже для иностранца. Всю страну ты привелъ въ разслабленіе...

Но ты и благословенный годъ, если заря свободы, заглянувшая во время твое надъ страной, разгорится послѣ тебя въ яркое солнце правды...

А ты — грядущій, молодой, юный, чистый новый годъ —

будь для страны радостнымъ и благостнымъ. Вложи мечъ твой въ ножны, ибо довольно крови пролито, крови невинной крови благородной, много жизней безцѣнныхъ загублено... Будь годомъ мудрымъ и мудрыхъ, ибо безуміе повергло страну въ неисчислимыя бѣды... Будь врачомъ могучимъ и цѣлительнымъ, дабы очистить страну отъ облекшей ее проказы и залѣчить раны сыновъ ея... Начертай на знамени своемъ благородную свободу, дабы воспитать вчерашнихъ рабовъ въ сыновъ свободныхъ... Зови дѣтей страны къ разуму, ибо къ сему Божьему дару приложатся нужны ея богатство и слава...

Пусть вновь откроются храмы науки и зрѣлые умы юноши и дѣвушки съ молитвеннымъ восторгомъ отдадутся чистой наукѣ, дабы не явиться предъ народомъ нищими знаніями, а подражая имъ и пекоряжы пусть забудутъ «баррикады» и вспомнятъ объ учебникахъ, дабы возрасти въ мужей разума и знанія...

Пусть гудятъ непрерывно фабрики и заводы, давая рабочему достатокъ къ жизни, производя цѣнные товары и оттаивая страну отъ наводненія иностранными продуктами пусть «противоположность интересовъ работодателя и рабочаго примирится въ согласіи взаимной выгоды. Пусть не бомбами, не динамитомъ, не пиками и револьверами вооружаются рабочие, а знаніями мірового хозяйства и государственнаго хозяйства страны, пусть не воображаютъ, что въ пять минутъ можно устроить на землѣ социалистическій рай съ его обществомъ орудіи производства и что „революционнымъ способомъ“ возможно ввести во всякомъ производствѣ и при всякомъ производствѣ и при всякомъ положеніи мірового хозяйства 8-ми часовой рабочей день...

Пусть крестьянинъ земледѣлецъ отстранитъ отъ себя мысль объ «экспроприаціи» частновладельческой и государственной земли, пусть забудетъ онъ о расширеніи своего мизернаго надѣла „захватнымъ правомъ“ земель ему не принадлежащихъ, стыдись сопровождать таковой захватъ заревомъ пожаровъ и

гибелью культурныхъ уголковъ сельскаго хозяйства. Пусть освобожденный Царемъ Александромъ II отъ крѣпостного ига крестьянинъ нашъ освободится Вѣщеноснымъ Внукомъ Его Николаемъ II отъ «земельнаго ига» путемъ прирѣзки необходимой для самостоятельнаго веденія крестьянскаго хозяйства земли, безъ обиды частныхъ владѣльцевъ и въ согласіи съ интересами Имперскаго сельскаго хозяйства. Пусть также каждый крестьянинъ изучитъ азбуку интенсивнаго веденія своего земельного хозяйства, дабы получать и отъ малаго участка земли довольство и сытость своей семьѣ.

Вяще же всего пусть правительство въ новомъ году перестанетъ хромать на обѣ ноги и безъ оглядки пусть дастъ измученной безпорядками стронѣ конституціонный порядокъ.

Пусть соберется наконецъ народный парламентъ — Государственная Дума, сосредоточивъ въ себѣ весь разумъ русскаго народа для ликвидаціи стараго приказнаго строя и установленія новаго благостнаго для всѣхъ государственнаго общежитія, дабы каждый россійскій гражданинъ чувствовалъ радость жизни и позналъ сладость бытія въ нашей Великой Родинѣ.

Гряди же, гряди, желанный свободный годъ. Страна ждетъ тебя благостными и радостными.

И. З — нѣ.

Новый годъ! — Къ тебѣ моленье
Шлю душою всей —
Принеси упокоенье
Родинѣ моей.

Пусть замолкнуть плачь и стоны
Пусть не льется кровь,
Пусть въ ней царствуютъ: за-
коны,

Правда и любовь.

Кн. О. III.

Новогодній сонъ.

(Фактъ).

Когда я сѣлъ къ столу и взялъ перо, что бы начать этотъ разсказъ, было уже поздно. Въ комнатахъ — тихо-тихо... Все спало вокругъ; а отъ того, что не спало, меня отдѣляли каменные стѣны...

Тихо, тихо... Какъ въ могилѣ... Откинувшись въ креслѣ, я медлилъ... Думалось... Думалось много... Думалось страстно, горячо... И... и больно... До безумія.

Я медлилъ... медлилъ... медлилъ... А время бѣжало, бѣжало... Думалось...

И далеки, до ужаса далеки были думы мои отъ той темы, которая была придумана умомъ для завтрашняго святочнаго разсказа... Эта тема увлекательна, интересна, ее одобрять можетъ быть тысячи людей...

Дума моя... — она... никому не нужна. Но она моя, моя, моя, она — моя душа... Она — я...

„Ты думаешь что ты существуешь?“ — услышалъ я вдругъ чей то металлически — ровный голосъ..

На меня пахнуло холодомъ... Я вздрогнулъ...

Передо мною, съ другой стороны стола, слегка опершись о столъ руками, стояла фигура... Чья — я и теперь не знаю...

„Ты думаешь, что ты существуешь?“ — повторила она свой вопросъ... — „глупецъ — ты болѣе мертвъ, чѣмъ кто либо изъ тѣхъ, кого ты считаешь мертвецами“... Знаешь ли ты, что только тамъ, за грабью этого міра, есть жизнь... Настоящая не самообманъ...

И поднявъ торжественно руки, видѣніе спросило.

„Хочешь ли ты жить?“...

— Да! отвѣчало все мое существо... Рука безсознательно потянулась къ правому ящичку стола, гдѣ хранился Браунингъ.. Затѣмъ — къ правому виску... Легкое усиленіе указательнаго пальца... Шумъ, котораго никто не услышалъ и.. я началъ жить.

Да, я ожилъ. Слово завѣса спала съ моихъ глазъ и глаза мои изумились отъ того, что стало имъ доступно...

Стѣны и покрововъ для меня болѣе не существовало... Расстояніе — ничто... Мои глаза видѣли все, все, все... Мой мозгъ горѣлъ и не было ничего сокровеннаго для моего ума, моей души...

Тѣни... десятки, сотни тѣней потянулись передо мною... Чужіе. — Нѣтъ — вотъ этихъ я знаю... И не знаю тоже... Такъ странно то, что въ нихъ теперь мнѣ стало извѣстнымъ...

Первою тѣнью, которую я увидѣлъ, была тѣнь великаго полководца. Не русскаго, но близкаго Руси по переживаемой эпохѣ... Великая тѣнь, скрестивъ руки на груди, съ высокой горы смотрѣла на богровое зарево... Передъ нею пылалъ и сгоралъ царственный городъ... Ужасно!

„Зачѣмъ? — Зачѣмъ? — вырвался у меня вопросъ...

— Пошто? — Не замай! Злодѣй, бей его!.. раздалось вдругъ со всѣхъ сторонъ и тысячи, сотни тысячъ людей, съ вилами, косами, топорами, окружили великую тѣнь... Замелькали страшныя орудія народнаго гнѣва... Тѣнь, поверженная, — исчезла... Море крови.

Я увидѣлъ вторую тѣнь... Она напоминала первую, но лишь позой.. Великая — о, нѣтъ. Но жаждущая величія...

И эта тѣнь — скрестивъ руки, наблюдала безумное пламя, пожирившее царственный городъ... И дерзкою, и падменною рукой указывало на это пламя и радовалась ему, ища въ немъ пути къ своему величію...

Городъ, царственный городъ — пылалъ... Въ облакахъ этого пламени мнѣ снова показались, тысячи сотни тысячъ людей... Теперь — они были еще далеки — въ туманѣ...

Но доносился уже ихъ взволнованный, негодующій репотъ...

Но сверкали уже страшныя орудія народнаго гнѣва. Но доносились уже клокозущіе гнѣвомъ слова — „пошто, не замай!“

Я увидѣлъ третью тѣнь... Тѣнь министра, любимаго своимъ вѣщепосемъ... Благородная, возвышенная, — она „душу свою полагала за други своя“... Ея рука начертала великую хартію, хартію счастья и свободы цѣлаго народа... И подъ хартію я прочелъ цифры — 1806. И у тѣни этой я замѣтилъ львиную гриву.

Четвертую тѣнь увидѣлъ я... И она была тѣнью министра... Но этотъ уже — полагалъ „други своя за душу свою“... И рука этой тѣни писала сотни, тысячи хартій, пестрѣвшихъ словами: свобода, равенство... И подъ хартіями я читалъ цифры: — 1905. И у тѣни этой я замѣтилъ хвостъ

лисицы.

Я увидѣлъ... но тутъ тѣни смѣшались... Римскіе префекты съ толпами ликторовъ, градоначальники съ помощниками приставовъ... Палачи, временъ Великой Инквизиціи, начальники охранныхъ отдѣленій... Римскіе легионеры, русскіе матросы, городовые... А вдали — сотни, тысячи, сотни тысячъ народа, вооружающагося оружіемъ великаго народнаго гнѣва...

Я увидѣлъ... Я увидѣлъ мою горничную, котораа усердно меня будила, настойчиво повторяя: — „баринъ, баринъ, проснитесь же, — Тамъ дворники пришли — съ Новымъ годомъ!“

— Какой странный сонъ! думалъ я, доставая изъ портмонэ два полтинника.

Святочный разсказъ такъ и остался ненаписаннымъ.

Гамалюкъ.

Страничка забытой лирики

СТАРАЯ ЗАПИСКА.

Можетъ быть — это только прекрасный обманъ,
Что навѣянъ твоею улыбкой
И когда онъ пройдетъ, этотъ чудный туманъ
Все окажется только ошибкой...
Можетъ быть это только сонъ, лишь мечта
И ужъ скоро намъ нужно проснуться
Но... пока, — пусть твои дорогія уста
Еще разъ для меня улыбнутся,
Пусть головка твоя мнѣ падетъ на плечо
И еще разъ тебѣ повторю я,
Какъ люблю я тебя горячо, горячо
И какъ міръ весь съ тобою люблю я.
И пускай, въ этотъ мигъ, лишь одинъ соловей,
Приметъ въ нашемъ свиданьи участъ
Пусть въ сердцахъ нашихъ кровь закипитъ все живѣй
И пускай будетъ... нѣга и... счастье...
А потомъ... пусть потомъ этотъ чудный туманъ,
Какъ миражъ, какъ мечта разлетится;
Пусть мы оба поймемъ, что то были лишь обманъ,
Пусть въ сердца наши грусть возвратится,
Пусть! — Но все-жъ, среди пошлой мірскаго суеты,
Вспомнитъ каждый изъ насъ безъ проклятья,
Какъ роскошны были воплощенныя мечты
И какъ искренни были объятія
Пусть то были лишь обманъ, дорогая, но все-жъ
Будетъ часъ — и съ душой умиленной
Съ благодарной слезой ты не разъ перечтешь,
Все, что шлетъ здѣсь мальчишъ влюбленный.

Григорій Е.

ВОЛШЕБНЫЯ РУКАВИЦЫ

СКАЗКА.

Жилъ на свѣтѣ одинъ великій визирь, которому Царь довѣрилъ все государство. Не клеилось у него дѣло правленія и вся страна была имъ недовольна.

Думалъ-думалъ великій визирь — что дѣлать, — и ничего не могъ выдумать...

Тогда онъ вспомнилъ объ одномъ чудесномъ волшебникѣ, который жилъ въ столицѣ этого царства и обратился къ нему за совѣтомъ.

Волшебникъ далъ ему сотню паръ волшебныхъ рукавицъ, одна пара изъ которыхъ обладала свойствомъ приносить счастье и довольство „и нашимъ и вашимъ“.

Но волшебникъ не сказалъ визирю, какая именно эта пара... Вернулся великій визирь домой и не знаетъ, съ какой пары начать. Думалъ думалъ — и рѣшилъ примѣрять одну за другой всѣ рукавицы...

И какъ надѣнетъ одну пару — одно. Другую — совсѣмъ другое. Третью — третье...

А страна дивится... Что такое? — Какъ объяснить эти странныя, рѣзкія перемѣны?..

Умнѣйшіе ломали себѣ головы, чтобы догадаться, къ какой же дѣли ведетъ вся сложная политика великаго визиря? А у него и дѣли то никакой не было. Онъ просто на просто примѣрять, одну за другою, волшебныя рукавицы.

Въ настоящую минуту у него надѣты рукавицы, сдѣланныя изъ иголокъ ежа. —

Ежовыя рукавицы.

Грибъ.

ЖУРНАЛЪ-ЖУРНАЛОВЪ.

ЧАСТЬ КОМПИЛЯТИВНАЯ.

Иностранная печать о Россіи.

Нѣмецкая буржуазная печать, въ общемъ относящаяся довольно подозрительно къ русскому освободительному движенію съ тѣхъ поръ, какъ оно приняло крайне бурныя формы, которыя весьма тревожатъ нѣмецкихъ держателей русскихъ цѣнныхъ бумагъ, тѣмъ не менѣе, временами дѣлаетъ успѣшныя усилія проникнуть въ суть происходящаго теперь въ нашемъ отечествѣ и вывести изъ него правильныя заключенія. Въ общей формулѣ ея совѣтъ русскому правительству сводится приблизительно къ слѣдующему: вы можете бороться съ революціонными эксцессами, но прежде всего не забывайте о необходимости немедленнаго введенія дѣйствительныхъ конституціонныхъ реформъ, которыя однѣ только въ состояніи обезпечить вамъ устойчивый порядокъ и являются *conditio sine qua non* для возвращенія вашему государственному казначейству нашего довѣрія и симпатій.

Въ этомъ смыслѣ умѣренно-либеральная «*Neue Freie Presse*» еще въ номерѣ отъ 27-го декабря нов. ст. писала слѣдующее: „Декабрьская битва на улицахъ Москвы представляетъ собою катастрофу для самодержавія уже по одному тому, что она была дана именно въ Москвѣ—старой твердынѣ его мощи и традицій. Впрочемъ, эта битва можетъ оказаться и роковою для всего освободительнаго движенія въ Россіи, если примѣръ Москвы не найдетъ себѣ подражанія въ остальной Россіи, а побѣда военной силы ободритъ реакцію. Дѣло не дошло бы до этого, если бы обѣщанія царскаго манифеста отъ 17-го октября были бы немедленно исполнены. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо вопросъ зависитъ отъ того, будутъ ли осуществлены тѣ надежды, съ которыми народъ привѣтствовалъ этотъ манифестъ на другой день послѣ его опубликованія. Москва представляла собою цѣлую идею: она была символомъ самодержавія; отнынѣ она стала для него зловѣщими кровавыми руническими письменами, изъ которыхъ никто не въ состояніи вывести, какія надежды или опасенія сулитъ Россіи ближайшее будущее“.

Другая вѣнская газета «*Die Zeit*», находясь подъ впечатлѣніемъ подвиговъ удали „мо-

лодцовъ-семеновцевъ“ и другихъ болѣе высокопоставленныхъ „молодцовъ“, пишетъ въ передовой статьѣ отъ 30 декабря нов. ст.: «Кровавое возстаніе въ Москвѣ подавлено съ неслыханною жестокостью. За недостаткомъ боевыхъ припасовъ вожди революціи отказались отъ неравной борьбы. Порядокъ въ реакціонномъ смыслѣ снова водворится въ стѣнахъ Кремля. Такъ какъ Москва сердце Россіи, то именно здѣсь революціонеры попытались нанести смертельный ударъ самодержавію; они полагали, что у нихъ были силы для этого; но они ошибались... Итакъ, битва въ Москвѣ закончена. Большая часть войскъ осталась вѣрна присягѣ, а общество держалось вдалекѣ отъ революціонеровъ. Будущее заключаетъ въ себѣ ужасный вопросъ. Москва, сердце Россіи, не можетъ быть, чтобы понапрасну сочилась кровью въ теченіе недѣли. Не даромъ крикъ свободы раздавался, подобно іерихонскимъ трубамъ, вокругъ зубчатыхъ кремлевскихъ стѣнъ, вокругъ символа самодержавія, вокругъ азіатски великолѣпной резиденціи Ивана Грознаго и его потомковъ. Этотъ символъ рухнулъ разъ навсегда! Новыя времена должны начаться для Россіи и для Москвы—времена любви, самоотверженія и свободы. Самодержавіе не въ состояніи справиться съ революціею, но только любовь къ порядку и жажда мира теплящаяся въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ, могутъ обуздать анархію; и въ настоящее время миръ можетъ царствовать въ Россіи лишь въ союзѣ со свободою. Миръ и свобода—таковъ новый символъ, который долженъ выразиться въ московскомъ Кремлѣ; и тогда народная душа Россіи будетъ еще болѣе горячо славить Москву“.

Наконецъ, еженедѣльный политическій образователь острожной либеральной газеты «*Berliner Tageblatt*» въ передовой статьѣ отъ 31 декабря н. ст. пишетъ: «Положеніе вещей въ обширномъ русскомъ государствѣ остается попрежнему очень острымъ. Продолжавшееся нѣсколько дней Кровавое возстаніе въ Москвѣ, которое въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, врядъ ли можно считать вполне усмирненнымъ, открытое возмущеніе въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, которое тоже еще продолжается, кровавые безпорядки на Уралѣ и на Кавказѣ, все это свидѣ-

тельствуемъ о такомъ безсиліи правительственной власти, отъ котораго послѣдняя въ состояніи лишь съ трудомъ и медленно оправиться. Между тѣмъ вѣянія свободы, обуревающая русское государство, даютъ мало надежды на то, чтобы удалось вновь возстановить порядокъ путемъ напряженія всѣхъ государственныхъ силъ. Люди стоящіе во главѣ правительственной власти, правда, находятся передъ двойною задачею: съ одной стороны, они должны постоянно стараться перевести самодержавный строй въ конституціонный, а съ другой—имъ надо укротить революціонный духъ, стремящійся разрушить всѣ путы въ цѣляхъ достиженія фантастически-широкой свободы. Разрѣшеніе этой двойной задачи тѣмъ труднѣе, что назначенный царемъ реформаторъ графъ Витте встрѣчаетъ неуспѣшное недовѣріе во всемъ, что бы онъ ни дѣлалъ“.

Послѣднее замѣчаніе свидѣтельствуемъ о томъ, что ореолъ обаянія, которымъ окутанъ нынѣшній русскій премьеръ-министръ въ глазахъ берлинской буржуазіи, сильно померкъ за послѣднее время.

Обсуждая современное положеніе дѣлъ въ Россіи „*Outlook*“ говоритъ: „Внѣшній міръ яснѣе русскихъ сознаетъ, что одинъ только графъ Витте стоитъ между реакціей и анархіей, и что только его формула „свобода и порядокъ“ можетъ спасти Россію и всю Европу отъ катастрофы. Графу Витте сочувствуетъ весь цивилизованный міръ, одобряя его усилія сохранить принципъ свободы при одновременномъ искорененіи анархіи. Англія не можетъ симпатизировать партіямъ, которыя въ поддержаніи порядка уеатриваютъ реакцію. Только порядокъ можетъ служить фундаментомъ новаго государства, преобразованнаго на либеральныхъ началахъ“.

Если умѣренные элементы признаютъ эту истину и откажутся отъ своей политики недовѣрія, то, несомнѣнно, образуютъ единую партію съ графомъ Витте во главѣ, партію, которая будетъ одинаково неприступной какъ для вылазокъ со стороны реакціонеровъ, такъ и для нападений со стороны революціонеровъ. Событія послѣднихъ дней показываютъ, что графъ Витте обладаетъ достаточной способностью вдохнуть реальную силу въ рефор-

мы, возвѣщенные съ высоты Престола, хотя и не пользуется той поддержкой, на которую имѣетъ право“.

Къ государственному бюджету на 1906 годъ.

Бюджетъ черезъ четыре дня будетъ обнародованъ, но за его, хотя и краснорѣчивыми цифрами, все же скроется многое и изъ подготовительной работы интересное обществу. Возьмемъ для образчика такой фактъ. Военное министерство затребовало на будущій годъ для ликвидаціи военныхъ расходовъ (по отдѣлу чрезвычайныхъ кредитовъ) ни болѣе, ни менѣе, какъ *миллиардъ двадцать сѣмью миллионовъ рублей*—и это помимо ежегоднаго нормальнаго бюджета по министерству (около 400 м. р.). Почтенное вѣдомство, получившее за послѣднюю войну такую лестную аттестацію своей дѣятельности, по видимому, и посейчасъ серьезно убѣждено, что государственный бюджетъ существуетъ исключительно для оплаты ассигновокъ военныхъ учрежденій, и что штатскія нужды могутъ быть удовлетворены остающимися крохами народныхъ средствъ. Безъ преувеличенія—какой-то невѣроятный, кошмарный пиръ во время бюджетной чумы! Правда, подъ давленіемъ фактическаго безденежья требованіе министерства было сокращено почти втрое (до 395 м. р.), но нелѣпость самого факта запроса уже чрезвычайно характерна для уровня государственныхъ понятій творящихъ бюджетныхъ силъ.

Въ такой типично бюрократической атмосферѣ зрѣетъ государственная роспись на 1906 г., будемъ надѣяться—послѣдній дегенератъ выродившагося бюрократическаго бюджетнаго строя. Странно было бы искать здѣсь сильнаго и честнаго порыва къ спасенію бюджета. Всѣ главныя дѣйствующія лица остаются прежнія. 1 января правительство, конечно, сообщитъ *urbi et orbi*, что бюджетныя затрудненія были предметомъ „особаго его попеченія“. Но они сводятся лишь къ чайнію будущихъ займовъ и въ возможномъ увеличеніи *доходныхъ* исчисленій, т. е. въ безобидной канцелярской арифметикѣ, въ которой И. П. Шиповъ достаточно искусился въ прежней должности директора департамента государственнаго казначейства. Но общество не найдетъ сколько-нибудь успокоительнаго отвѣта правительства на мучительный запросъ общества: *Что же сдѣлано для облегченія страны отъ тяжести непроизводительныхъ расходовъ на 1906 годъ?*

„Нар. Хоз.“.

А. Делеховскій.

Шансы реакціи.

Если правительство наше и либеральное общество останутся на конституционной монархии, то это конечно будет „реакцией“ сравнительно съ крайними замыслами, но реакція, съ которой, право, помириться можно.

Съ высшей, съ философской точки эта „золотая середина“ будетъ не отступленіемъ, а вершиной успѣха, именно тѣмъ моментомъ, когда истинный прогрессъ возможенъ. Конституционная монархія не есть химера какого-нибудь Платона или Мабли; она существуетъ не на выдуманномъ островѣ Томаса Мора, а на весьма конкретномъ пространствѣ земной поверхности. Конституционная монархія есть завершеніе многовѣковой политической эволюціи родственныхъ намъ одареннѣйшихъ народовъ. Это есть нѣчто строго испытанное и выдержавшее всюду разнообразный опытъ. Для нашего вѣка христіанской культуры конституционно-монархическая форма правленія, повидимому, наиболѣе жизненная и благотворная. Остановившись на ней указываетъ здравый смыслъ и политическое сознание цивилизованныхъ народовъ. Остановившись на конституционной монархії великая страна быстро войдетъ въ свои естественныя условия. Она добьется наконецъ того „порядка“, что составляетъ мечту нашей исторіи и отсутствіе котораго довело имперію Петра Великаго до жалкаго униженія.

Таковъ, мнѣ кажется, естественный предѣлъ реакціи, на насъ идущей. Конституція—вотъ „ординаръ“, до котораго наводненіе свободы можетъ понизиться и вотъ гдѣ оно должно остановиться. Но если уровень идеи падетъ еще ниже, если со стороны правительства или общества будутъ сдѣланы попытки вернуться къ прежнему абсолютизму, то это поведетъ несомнѣнно къ катастрофѣ. Это будетъ то самое крушеніе вправо, въ которомъ погибли абсолютистскія монархії древности и въ которомъ разваливается мусульманскій Востокъ.

Въ борьбѣ съ анархіей мы держали сочувственный правительству нейтралитетъ, но господа ретрограды могутъ быть увѣрены, что достаточно одной серьезной попытки съ ихъ стороны, чтобы революционировать все общество. Мы спокойны лишь въ надеждѣ, что свобода намъ не только дана, но въ ближайшіе мѣсяцы будетъ закономерно обеспечена. Совершенный великодушный волею Государя Императора конституционный переворотъ есть наше національное дѣло. Отныне это священное достояніе, за которое всѣ благомыслящіе люди должны, вмѣстѣ съ Верховной властью, стать всею крѣпостью своею, какъ когда-то Израиль за ковчегъ завѣта. Вѣдь и дѣйствительно въ актѣ 17 октября намъ данъ завѣдъ свободы. И въ самомъ дѣлѣ вѣдь Россія выходитъ изъ египетскаго плѣна своей отсталости. Передъ нами новая эра общечивилизованной жизни, новый, лучезарный вѣкъ. Великія начала непременно вернуть измученному народу его величіе. Освобожденный—онъ станетъ наконецъ господиномъ на землѣ, а не рабомъ. Тѣмъ ослѣпленнымъ, что хотѣли бы остановить могучее воскресеніе народное, лучше уйти съ дороги. По волѣ Господа идетъ побѣдоносная жизнь—и остановить ее значитъ быть раздавленнымъ. Если уже за анархію погибли столько отважныхъ силъ, то неужели вы думаете, что проснувшаяся страна не найдетъ горюевъ для борьбы за порядокъ, за законъ свободы, за величіе родины, за жизнь народа?

Соображая все это, мнѣ кажется, шансы слишкомъ рѣшительной реакціи не велики.

М. Меньшиковъ.

„Нов. Вр.“

Изъ „Маленькихъ писемъ“.

Говорятъ, что наканунѣ 17 октября правительственные лица совершенно растерялись, не зная что дѣлать и на что рѣшиться. Я въ эти дни не былъ въ Петербургѣ, а по рассказамъ не могу себѣ представить, чтобы положеніе было такъ безнадежно, что администраціи оставалось только плакать. Администраторы-плаксы это несомнѣнно новый типъ администраторовъ чувствительныхъ. Еслибъ нашелся администраторъ, который воздержался бы отъ слезъ, а принялъ бы энергическія мѣры для уничтоженія забастовки, то манифестъ 17-го октября могъ бы выйти 17 ноября и не въ такомъ куцомъ видѣ, а съ разработанною законностью свободъ и съ объявленіемъ выборовъ въ Государственную Думу. Дѣло могло бы пойти лучше. Конечно, можно ошибаться и въ этомъ случаѣ, но одно несомнѣнно, что правительство никогда не должно теряться и должно „умирать стоя“, какъ сказала императоръ Веспасіанъ. Правители обязаны встрѣчать смѣло и открыто всѣ опасности, и если они хотятъ жить, то должны презирать смерть и возбуждать въ обществѣ желаніе и бодрость жизни. Революція—война и кто трусилъ или потерялся, тотъ погибъ или создалъ себѣ опасное положеніе. Жить можно только успѣхами, а не паденіями.

„Нов. Вр.“

А. Суворинъ.

Что стоила война въ 1904 г.?

Теперь уже выяснилось, во сколько обошлась Россіи въ 1904 г. японская война.

Это уже не тайна.

Завѣса поднята отчетомъ государственнаго контроля.

Оказывается, что всего какъ выражается въ этомъ случаѣ государственный контроль, «на потребности вызванныя войной», было израсходовано въ 1904 г. 509.744,348 руб.

Самымъ крупнымъ расходомъ явился расходъ по военному министерству 353.108,693 р.

За нимъ слѣдуютъ: морское министерство съ расходомъ въ 76.379,227 руб., министерство финансовъ—45.038,858 руб. и министерство путей сообщенія—27.683,346 р.

На что-же, спрашивается, истратило такъ много денегъ наше военное министерство?

И выяснилось, что болѣе всего съѣло денегъ главное интендантское управленіе—238.411,457 руб.

И это тѣмъ болѣе странно, что газеты съ удивительнымъ единодушіемъ твердили все время объ отрицательной постановкѣ у насъ на войнѣ интендантскаго дѣла.

Если была истрачена такая уйма русскихъ денегъ, то нуж-

но-же полагать, что она была дѣйствительно истрачена на что-нибудь.

Не разлетались-же эти деньги такъ себѣ, по воздуху. Вѣроятно послѣ нихъ остались какіе-нибудь слѣды въ видѣ соответствующихъ пѣнностей, необходимыхъ нашимъ сражавшимся войскамъ...

Значительные куски—въ десятки миллионъ рублей—съѣли и другія главныя военныя управленія: инженерное и артиллерійское.

Тутъ снова становится страннымъ созерцать эти крупныя суммы, когда припомнишь, напримеръ, своевременныя краснорѣчивыя описанія о недостаткахъ, хотя бы, нашихъ артиллерійскихъ операций на поляхъ Манчжуріи: то и дѣло не хватало то одного, то другого.

А государственный контроль отмѣчаетъ: истрачено въ 1904 г. главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ на потребности, вызванныя войной... 11 милл. руб. слишкомъ.

Нашъ главный штабъ также обошелся за это время Россіи въ копеечку.

Не много, ни мало, а на его содержаніе истратили почти 9 милл. р.

И за это Россія получила цѣлый рядъ тактическихъ перловъ, начиная отъ сраженій на Ялу вплоть до мукденской баталіи...

Въ расходахъ морского министерства львиную долю съѣло заграничное за это время плаваніе нашихъ судовъ. Это плаваніе скушало русскихъ денегъ на сумму свыше 30 милл. рублей.

Кромѣ того, морское министерство все продолжало въ 1904 году строить новыя суда. И на это имъ было истрачено свыше 14½ милл. р.

Но морскому министерству нужно было не только строить суда въ отчетномъ году. Также заботиться объ изготовленіи предметовъ боевого снабженія судовъ, о ремонтѣ старыхъ судовъ.

Оно, видимо, обо всемъ этомъ и заботилось въ должной степени: изготовленіе предметовъ боевого снабженія судовъ обошлось Россіи въ 1904 г. почти въ 7¼ милл. р., а ремонтъ судовъ стоилъ ей-же около 3½ милл. руб.

Впрочемъ, на этомъ расходы морского министерства въ 1904 г. не остановились.

Есть еще другіе.

Однако отчетъ государственнаго контроля не указываетъ, что это были за расходы на 7.350,529 р.

Онъ ихъ называетъ только „разные расходы“.

Относительно-же расходовъ на 13.947,542 р. государственный контроль замѣчаетъ кратко: „на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе“.

Въ военныхъ расходахъ за 1904 г. министерства финан-

совъ наибольшій расходъ—въ 39¼ милл. руб.—падаетъ на расходы Общества Китайской восточной дороги.

За этимъ расходомъ слѣдуетъ еще расходъ въ 4.748,735 рублей.

Но государственный контроль снова тутъ даетъ краткій отзывъ, какъ и выше: „на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе“. Таковъ отчетъ государственнаго контроля о войнѣ 1904 года, напечатанный въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

С. Шабишевъ.

„Передъ исторіей“.

Эта фраза стояла недавно въ одной изъ петербургскихъ официальныхъ передовицъ.

Такъ призываютъ къ суду исторіи тѣ, кто распоряжается нашими судьбами... или воображаютъ, что руководятъ ими.

А „исторія“ шествуетъ впередъ, не справляясь о претензіяхъ такихъ господъ. Она уже записала на свои „скрижали“ тѣ грозные дни, когда старая столица Русскаго государства обогрелась кровью безпримѣрной, даже въ ея лѣтописяхъ, гражданской войны.

Петербургъ, откуда я пишу эти строки, остается вѣрнѣ себя.

Вы пріѣхали изъ Москвы, прямо съ театра этой войны, въ вашихъ ушахъ еще стоитъ громъ орудій и злобщій трескъ ружейной перестрѣлки, происходившей *каждый день* съ наступленіемъ сумерекъ подъ окнами вашей комнаты, и сейчасъ же вы натакиваете на умника-петербуржца, который начнетъ говорить въ такомъ тонѣ:

— Москва всегда бунтовала. И при самозванцахъ, и даже при „тишайшемъ“ царѣ, и когда угодно! Она должна была продѣлать и такую революционную авантюру!

Тонъ—тотъ самый, съ какимъ петербуржецъ не перестаетъ въ разныхъ „совѣтахъ“, комиссіяхъ, канцеляріяхъ и комитетахъ мудрить надъ Россіей.

У васъ сердце обливается кровью или перестаетъ биться отъ судорожныхъ сжиманій, а петербургскій умникъ призываетъ то, что колыхаетъ и омрачаетъ вашу родичу, „къ суду исторіи“, не желая знать, что она давным-давно произнесла свой безопадный судъ надъ нимъ и ему подобными.

Заговорите вы съ какимъ-нибудь ученымъ мужемъ, и заслушаетесь отъ него непогрѣшимыхъ приговоровъ, отзвучающихъ затхлымъ резонерствомъ.

Одичъ въ особенности восхитилъ меня широтой своей политической терпимости.

Разговоръ шелъ о томъ „кабинетѣ“, который въ такія ужасныя времена испытываетъ долготерпѣніе отечества своимъ образомъ дѣйствій.

Вы говорите этому многоученому мужу, что нельзя имѣть довѣріе къ индивидуамъ, прошлое которыхъ состояло изъ одного карьеризма, лишенаго какой-либо самоотверженной идеи.

— Амнистія!..—воскликаетъ мужъ науки.

— Какая? Кому?

— Амнистія всѣмъ, кто теперь стоитъ у кормила. Нельзя корить ихъ тѣмъ, что до настоящаго мо-

мента они продѣлывали!

Не правда-ли, какъ великодушно?!.. Своего рода „законъ Беранже“, до совершенія вторичнаго преступленія.

Но почему эти будущіе рецидивисты сами не начнутъ первые и не перестанутъ поступать съ ничѣмъ не повиннымъ русскимъ обществомъ какъ съ шайкой злоумышленниковъ?..

Никогда еще вы такъ не чувствовали той внутренней глубокой несостоятельности, какой поражена братія, призывающая всѣхъ насъ къ „суду исторіи“.

У ней нѣтъ никакого авторитета, никто ей не довѣряетъ, она не опирается ни на чью поддержку. Къ ней фальшиво или явно-враждебно относятся и самые охранительные элементы общества.

Еще вопросъ: что тлетворнѣе въ настоящій моментъ, такъ-называемая „камарилья“ или этотъ комплексъ совѣтниковъ, лишенный единства дѣйствій, не имѣющей возможности провести хоть одну мѣру, отвѣчающую прямо на статьи нашей „Великой хартіи“ 17-го октября 1905 года.

Какъ бы исторія ни взглянула на то, что продѣлала Москва въ грозные дни,—между 9-мъ и 20-мъ декабря,—не Петербургу призывать ее къ этому суду!

Наша многострадальная „старушка“ понесла слишкомъ жестокия потери, вынесла слишкомъ безпощадныя кары, чтобы петербургскіе чиновники-карьеристы нашли хоть малѣйшее право призывать ее „къ суду исторіи“.

Она потеряла десятки милліоновъ, похоронила тысячи жертвъ, познала всѣ ужасы братоубийственной гражданской войны... И сама, своими могучими силами возстановить свое недавнее прошлое. Не умнику-петербуржцу возраждать ее послѣ историческаго погрома!.. Онъ всегда только самодовольно мудрилъ, задерживалъ и мѣшалъ. А жизнь „дѣлала“ эта самая многострадальная „старушка“. Только въ ней не переставали раздаваться біенія сердца нашей родины.

П. Боборыкинъ.

Къ созыву Думы.

Скорѣйшій созывъ Государственной Думы различно дебатруется въ прессѣ: «Московск. Вѣдомости» пишутъ:

Если теперь, немедленно, соберется Государственная Дума, въ томъ составѣ, на который вы теперь, въ это смутное время, можете еще рассчитывать,—первымъ вопросомъ будетъ поставленъ—замѣна Самодержавнаго Правленія конституціей, вторымъ — установленіе Учредительнаго Собранія, а затѣмъ новое „дѣловое“ правительство, идя по той наклонной плоскости, которая теперь уже совершенно ясно опредѣлилась, приметъ движеніе, которое отдѣлитъ его отъ народа такою увеличивающеюся и зіяющею пропастью, что оно станетъ сразу чуждо и ненавистно народу; настолько ненавистно, какъ никогда никакое бюрократическое средостѣніе прошлаго режима.

Если взять для примѣра одно то, что

Народное Хозяйство замѣнившее Нашу Жизнь находить что правительство.

Безпощадно давя мятежъ и революціонную крамолу, неуклонно стремится къ осуществленію ре-

формъ, а прежде всего къ скорѣйшему созыву Государственной Думы — таковъ лейтъ-мотивъ всѣхъ официальныхъ сообщеній, таковъ неизмѣнный припѣвъ всѣхъ тѣхъ иностранныхъ корреспондентовъ, которые черезъ рупоръ с.-пет. телеграфнаго агентства освѣдомляютъ російскихъ обывателей, какъ гр. Витте думаетъ спасти Россію.

Выборы въ Думу, слѣдовательно, рекомендуются населенію, какъ единственный способъ политической борьбы, какъ единственно допустимое средство спасенія Россіи.

Общество, сдѣлавшись кроткимъ и послушнымъ, готово внять зову. Оно готово закрыть на время глаза на совершенныя нелѣпости избирательнаго закона, оно игнорируетъ ихъ, согласившись съ заявленіемъ правительства, что Дума можетъ все исправить, улучшить и усовершенствовать. Оппозиціонныя группы интеллигенціи ломаютъ копыя противъ бойкота, они зовутъ къ урнамъ, зовутъ къ избирательной борьбѣ, однимъ словомъ, вступаютъ на благодѣтельную стезю, предначертанную самой властью. Казалось бы, правительству только и споспѣшествовать этому стремленію, которое оно такъ горячо рекомендуетъ населенію и прославляетъ черезъ европейскихъ газетчиковъ.

Но тутъ-то и происходитъ волшебство: оказывается, что къ урнамъ власть зоветъ только тѣхъ, кто въ прежнее „дореформенное“ время приобрѣли репутацію благонадежности. Эти благонадежные наполнили кадры партій всякихъ правовыхъ порядковъ, союза 17 октября и другихъ, имъ подобныхъ. Всѣ эти группы нынѣ объединяются, созываютъ собранія, устраиваютъ съѣзды, однимъ словомъ, ведутъ самую дѣятельную и энергичную агитацію.

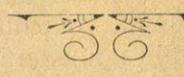
Въ то же время не только противъ крайнихъ, но и противъ самыхъ лояльныхъ прогрессивныхъ партій, рвущихся къ выборамъ, предпринимаются мѣры, совершенно лишаящія ихъ возможности принять какое-либо участіе въ политической борьбѣ. Въ тѣ дни, когда въ Петербургѣ безпрепятственно созывается съѣздъ партій правового порядка, самыя малочисленныя собранія даже конституціонно-демократической партіи, созванныя съ соблюденіемъ всѣхъ предписаній закона, разгоняются по Положенію объ усиленной охранѣ — градоначальникомъ. Сначала въ газетахъ было объявлено распоряженіе, мотивирующее недопущеніе собраній политической забастовкой.

«Слово» въ условіяхъ, которыхъ установлены для выборовъ, видитъ явное желаніе оттянуть созывъ Думы.

Согласитесь, что если созвать Думу повелѣно было въ срединѣ января 1906 г., а новыя правила о выборахъ опубликованы лишь 13 декабря, при чемъ приходится соблюдать хотя бы самыя кратчайшіе сроки на заявленія милліонами людей своихъ правъ на принесеніе жалобъ, на разсмотрѣніе ихъ и т. д., то, конечно, ранѣе марта или апрѣля нельзя и думать о созывѣ Думы. Гр. Витте и заявилъ уже, что Дума соберется „не раньше апрѣля“... Но, такъ какъ собирать Думу въ земледѣльческой странѣ въ разгаръ полевыхъ работъ, по меньшей мѣрѣ, дико, то, надо полагать, дѣло ведется къ тому, чтобы созывъ Государственной Думы затянуть до осени. А тамъ... что Богъ дастъ. Быть можетъ, понадобятся еще новыя какія-либо правила, быть можетъ, вспыхнутъ новыя „кровавыя заблужденія“, чтобы не допустить выборовъ, а, пожалуй, подготовится и новая война изъ-за окраинъ... До будущей осе-

ни далеко, много воды утечетъ...

Однако, что же это означаетъ? Гдѣ предѣлъ такого издѣвательства надъ русскимъ народомъ?

* * *

Тактика революціонеровъ въ Московскихъ событіяхъ подвергается рѣзкой критикѣ со стороны «Московскихъ Вѣдомостей», по мнѣнію которыхъ

отличительная черта Московской революціи заключается въ систематическомъ обманѣ массы ея руководителями.

При подготовкѣ этой революціи играли видную роль не только подставные солдаты, но и бутафорскіе ординарцы, которые, будучи якобы захвачены революціонерами, доставляли имъ фальшивыя донесенія и свѣдѣнія, долженствовавшія подбодрить бунтовщиковъ, подцѣплять ихъ настроеніе.

Не большею достовѣрностью отличались усердно - распространявшіяся извѣстія о движеніи на Москву тридцати тысячъ Морозовскихъ рабочихъ „для поддержки революціонеровъ“.

Въ концѣ концовъ, эта наглая, постыдная ложь неизбѣжно привела къ множеству тяжкихъ жертвъ, отвѣтственность за которыя всецѣло падаетъ на руководителей революціи.

Вторая отличительная черта Московской революціи заключалась въ томъ, что руководители ея широко примѣняли грубую, дикую силу не только по отношенію къ противникамъ, но даже и къ сторонникамъ.

Завлекая рабочихъ въ „боевую дружинку“ бесплатно раздачей оружія, они не допускали потомъ выхода оттуда, угрожая смертью. Всякое уклоненіе отъ исполненія распоряженій революціоннаго комитета наказывалось смертію. Требуя для государственныхъ преступниковъ отмѣны смертной казни, революціонеры весьма широко практиковали этотъ способъ наказанія по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Они грозили убійствомъ тѣмъ булочникамъ, которые во время забастовки осмѣлялись печь бѣлый хлѣбъ, употребляемый болѣе достаточными классами населенія. Они грозили убійствомъ дворникамъ, если тѣ станутъ исполнять распоряженія полиціи и будутъ запираютъ ворота. Такъ какъ практиковались каждую ночь многочисленныя убійства городскихъ были у всѣхъ на виду, то мирное населеніе Москвы трусило революціонеровъ и послушно исполняло ихъ приказанія. Да и какъ было не подчиниться распоряженіямъ революціонеровъ, которые у всѣхъ на глазахъ безпрепятственно отдавали свои грозныя приказанія и свободно публиковали ихъ въ своихъ газетахъ. Вѣдь за ослушаніе законнаго правительства могъ быть только штрафъ или арестъ, тогда какъ революціонеры за все наказывали смертью.

* * * Пресловутый дворянинъ Павловъ обвиняетъ бюрократію въ томъ что она „продаетъ самодержавіе“.

Она продать самодержавіе, и никто другой не можетъ гордиться временнымъ завоеваніемъ—путемъ смуты, измѣны и преступленія надъ миромъ, порядкомъ и спокойствіемъ страны.

Вотъ почему, предсказывая рево-

люцію десять лѣтъ, я неустанно обвинялъ власть, что она гоняется за революціонерами изъ толпы, оставляя невредимыми и защищая сановныхъ, чиновныхъ и титулованныхъ подстрекателей и попустителей.

Мнѣ любой рабочей и городской дорожке десятка этихъ типовъ, списокъ (!) которыхъ у меня въ столѣ.

Русскіе политическіе „credo“.

Основныя программы всѣхъ русскихъ политическихъ партій.

Программа Соціалъ-Демократической Рабочей партіи.

Верховная власть народа. Одна палата. Всеобщее, равное, прямое и тайное голосованіе. Широкое мѣстное самоуправленіе. Свобода совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ, союзовъ. Свобода передвиженія и промысловъ. Уничтоженіе сословій. Полная равноправность гражданъ. Равноправіе мѣстныхъ нарѣчій. Право самоопредѣленія всѣмъ націямъ. Право каждому преслѣдовать судомъ присяжныхъ всякаго чиновника. Выборность судей. Замѣна войска вооруженіемъ народа. Отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви. Даровое и обязательное образованіе, общее и профессиональное. Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства. 8 часовой рабочей день. Воспрещеніе ночного труда. Государственное страхование рабочихъ. Запрещеніе нанимателямъ браковъ и штрафовъ. Увеличеніе надзора инспекціи. Санитарный надзоръ. Отмѣна оброчныхъ и др. повинностей. Возвращеніе крестьянамъ выплаченныхъ ими суммъ. Конфискація монастырскихъ, церковныхъ, удѣльныхъ, Кабинетскихъ и Царской Фамиліи имуществъ. Образованіе народнаго фонда. Учредительное собраніе для полной ликвидаціи Самодержавнаго строя.

Программа партіи соціалъ-революціонеровъ.

Демократическая республика. Широкая автономія областей и общинъ. Самоопредѣленіе націй. Прямое, тайное, равное, всеобщее голосованіе. Пропорціоннальное представительство. Законодательство народа. Выборность, смѣняемость и подсудность всѣхъ должностныхъ лицъ. Свобода совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ, союзовъ. Полное гражданское равноправіе. Неприкосновенность жилища и личности. Отдѣленіе церкви отъ государства. Обязательное, равное для всѣхъ общее образованіе. Равноправіе языковъ. Замѣна арміи ополченіемъ. 8 часовой рабочей день.

Государственное страхование рабочихъ. Выборная фабричная инспекція. Изъятіе земель изъ частной собственности въ пользу общиннаго владѣнія. Конфискація монастырскихъ, удѣльныхъ кабинетскихъ и т. п. земель. Прогрессивный налогъ на доходы и наслѣдства. Уничтоженіе косвенныхъ налоговъ. Созывъ Земскаго Собора (Учредительнаго Соборія) для ликвидаціи Самодержавнаго режима.

Программа Прогрессивной Экономической партіи.

Россия едина и недѣлима. Равенство передъ законовъ всѣхъ гражданъ. Неприкосновенность личности и жилища. Свобода слова, печати, собраній, союзовъ передвиженія. Отвѣтственность только по суду. Соборіе народныхъ представителей для изданія законовъ, контроля исполнительной власти и утвержденія бюджета. Никакой актъ, отъ кого бы не исходилъ, безъ народнаго собранія недѣйствителенъ. Неприкосновенность представителей. Отвѣтственность министровъ. Право запроса и интерпелляцій для представителей. Несмѣнимость и ненаграждаемость судей. Уничтоженіе исключительныхъ судовъ. Общія судебныя установленія для всего населенія. Свобода наукъ и искусствъ. Всеобщее обязательное и бесплатное начальное обученіе. Развитие профессиональнаго образованія. Увеличеніе площади землепользованія. Учрежденіе государственнаго банка земельного кредита. Ипотека. Обязательное страхование рабочихъ (германскаго типа) Реорганизация фабричной инспекціи. Уничтоженіе пьянства. Прогрессивный подоходный налогъ. Организация сельскохозяйственнаго, промышленнаго и торговаго кредита. Развитие торговаго мореплаванія. Таможенное покровительство. Веѣ казенные заказы — внутри страны.

(Продолженіе въ № 3).

Есть ли въ Россіи конституція.

«Самодержавіе въ Россіи отмѣнено. Конституція дана». Эта благая вѣсть успокоила и враговъ, и друзей. Торжественное удостовѣреніе свободъ и вольностей, данное 17 октября — въ знаменательный день спасенія всей Царской Семьи отъ крушенія императорскаго поѣзда — убѣдило весь свѣтъ, что реформа — не пустая фраза, что самодержавіе дѣйствительно ограничено и конституція въ самомъ дѣлѣ дана. Такъ поняла манифестъ вся Россія, такъ

поняли министры, начиная съ г. Булыгина и того же графа Витте. Въ бесѣдахъ съ иностранными корреспондентами они сами называли актъ 17-го октября именно ограниченіемъ самодержавія и введеніемъ конституціи. Такъ поняло великую реформу общественное мнѣніе тѣхъ странъ, гдѣ хорошо понимаютъ, что такое конституція. Цѣлый рядъ Высочайшихъ актовъ — до 11 декабря включительно — служилъ новымъ подтвержденіемъ, что воля Государя Императора непреклонна и что мы будемъ имѣть учрежденіе именно то самое, что всюду называется парламентомъ. Гр. Витте категорически заявлялъ, что стоитъ на почвѣ манифеста 17 октября и не сойдеть съ нея ни впередъ, ни назадъ. И вдругъ...

И вдругъ читаемъ слѣдующее откровеніе:

„Манифестъ 17 октября есть выраженіе доброй воли и добраго обѣщанія Государя, т. е. актъ, который не отнимаетъ у Монарха правъ и не ограничиваетъ ихъ. Государь Императоръ и теперь, какъ до 17 октября, остается Царемъ съ неограниченной властью, которая въ правѣ издавать новые манифесты, въ правѣ даровать подданнымъ новыя права, налагать на подданныхъ новыя обязанности, расширять ихъ, сокращать и отмѣнять. Съ этой точки зрѣнія манифестъ 17 октября не внесъ ничего новаго въ основныя законы Россійскаго государства и не измѣнилъ ихъ ни на йоту. Государь Императоръ царствуетъ и остается попрежнему владыкой самодержавнымъ“ и пр.

Вотъ неосторожныя слова, которыми гр. Витте снова всполюшится и Россію, и весь свѣтъ. Едва-едва, черезъ великую силу удалось сломить кровавый бунтъ, едва общество сдѣлало движеніе на миръ съ правительствомъ, глава послѣдняго снова бросаетъ факелъ въ разсыпанный порохъ революціи, снова поднимаетъ пожаръ. И такъ, все значитъ вздоръ, автократія остается неизблемой и конституція никакой нѣтъ и дано не будетъ. И такъ, бюрократія попрежнему всесильна, ибо она органически неотдѣлима отъ самовласти. И такъ, государственное хозяйство Россіи попрежнему остается трехпольнымъ, и погибающему отъ голода народу остается ждать нашествій, погромовъ, расчлененій, завоеваній. Не только ждать, остается желать ихъ, ибо нѣтъ уже никакой надежды на совѣсть и разумъ правящаго сословія, на государственную реформу дѣйствительно спасительную.

Признаніе гр. Витте, будь оно сдѣлано официально и съ болѣе авторитетной высоты.

Мнѣ кажется, признаніе гр. Витте, какъ оно ни страшно по существу, не должно быть истолковано какъ голосъ Верховной власти. Это только мнѣніе самого гр. Витте, не дѣлающее ему чести, и ничего болѣе. Передъ нами есть подлинный Царскій голосъ — мани-

фестъ 17-го октября, и этотъ актъ ни одинъ честный судья на свѣтѣ не истолкуетъ въ томъ странномъ смыслѣ, какой ему приписываетъ графъ Витте. Въ манифестѣ прямо сказано: «Даровать населенію неизблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ», и «Установить, какъ неизблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы».

Гр. Витте совершенно правъ, говоря, что «манифестъ 17 октября есть выраженіе доброй воли и добраго обѣщанія Государя», но именно потому-то онъ и представляетъ собою обязательство, для Государя и для народа священное. Если бы манифестъ былъ «вырванъ» у Государя, какъ бахвалются революціонеры, онъ не имѣлъ бы юридическаго значенія. Разбойникъ, приставя ножъ къ горлу, можетъ заставить васъ подписать вексель, но ни одинъ судья не признаетъ этотъ документъ дѣйствительнымъ. Но зато во всемъ свѣтѣ считаются ненарушимыми акты, заключенные «по доброй волѣ и доброму обѣщанію». Если принять удивительную точку зрѣнія графа Витте, то воля Государя и его обѣщаніе имѣютъ меньше значенія, чѣмъ воля и обѣщаніе послѣдняго изъ Его подданныхъ. Подпись самаго жалкаго изъ нищихъ все же что-нибудь значитъ, а подпись Монарха будто бы ни къ чему Его не обязываетъ. Но въѣдъ это анархизмъ самый безграничный, какой возможенъ. Если Царское Имя ничего не обеспечиваетъ, то зачѣмъ это имя ставить на документахъ? Если суть самодержавія въ томъ, чтобы власть сама подавала примѣръ неуваженія къ своей волѣ и своей подписи, то въѣдъ нѣтъ аргумента болѣе сокрушительнаго противъ нея, чѣмъ этотъ. Разъ законъ, торжественно объявленный, въ слѣдующее мгновеніе можетъ быть отмѣненъ и смѣнитъ противоположнымъ, то этимъ самый источникъ закона компрометируется хуже, чѣмъ могъ бы это сдѣлать злѣйшій врагъ. Не эту ли затаенную цѣль имѣютъ, въ концѣ-концовъ нѣкоторые plus royalistes que le roi même?

Такъ какъ гр. Витте занимаетъ слишкомъ отвѣтственное положеніе, то ему или не слѣдовало брать на себя комментаріевъ къ Царской волѣ, или слѣдовало испросить Высочайшую для нихъ санкцію. Иначе путаница въ самомъ первоисточникѣ великой реформы только плодитъ смуту.

М. Меньшиковъ.

** Сообщение с.-п. телеграфнаго агентства желаетъ установить два положенія: первое, что репрессіи,

аресты, дѣйствія войскъ направлены къ защитѣ мирныхъ обывателей отъ ужасовъ революціи, и второе, что эти репрессіи являются лишь отвѣтомъ на насилія революціонеровъ. Александръ Амфитеатровъ въ „Молвѣ“ подвергаетъ анализу эти положенія. Агентство ссылается на нахожденіе массы оружія и взрывчатыхъ веществъ.

Я не смѣю не вѣрить „достовѣрному источнику“, но крайне сомнѣваюсь, что бы обрѣтенныя „массы“, если онѣ дѣйствительно обрѣтены, имѣли въ виду „покушенія противъ мирныхъ жителей“. Противоположеніемъ являются, какъ уже сказано, соображенія историческія, — во-первыхъ: никогда русское освободительное движеніе ни съ единымъ мирнымъ русскимъ жителемъ ни воевало; а во-вторыхъ, и современно-лѣтописныя: въ Москвѣ погибло очень много мирныхъ обывателей, но ни одного — отъ оружія или взрывчатыхъ веществъ революціи: по улицамъ, квартирамъ, лавкамъ, рынкамъ легали не бомбы и револьверныя пули революціонеровъ, по шрапнель г. Дубасова. И приходится повторить: революціонерамъ то шрапнель эта принесла потерь немного, что призналъ и самъ г. Дубасовъ, но мирнаго обывательства накрошила столько, что вотъ, пришлось сконфузиться и объясняться не весьма остроумною извинительную концепціей „Пет. Аг.“...

Попробую временно повѣрить въ склады „массы оружія и взрывчатыхъ веществъ“, приготовленныхъ не для чего иного, какъ съ цѣлью „уничтожить не только тысячи лицъ, но и цѣлыя поселенія“. Но въ такомъ случаѣ, какіе же чудачки оказываются эти люди, въ распоряженіи которыхъ были столь огромныя разрушительныя средства, а они даже пальцемъ не шевельнули, чтобы въ моментъ своего разгрома — воспользоваться такою страшною силою сопротивленія! Могли и затѣвали, какъ увѣряетъ „Пет. Аг.“, уничтожить не только тысячи лицъ, но и цѣлыя поселенія, а не уничтожили никого и ничего — не только не взорвали мирнаго населенія, но и войскъ, ихъ атаковавшихъ, — и отступили „за предѣлы досягаемости“, не оставивъ по себѣ ни одного обывательскаго трупа.

Послѣ фактовъ о разстрѣлѣ безоруженныхъ людей, во всѣмъ случаѣ, не покушавшихся противъ мирныхъ жителей, фактовъ, никѣмъ не опровергнутыхъ, наврядъ ли сообщеніе агентства требуетъ еще какихъ-нибудь комментаріевъ.

Новая финансовая операція построена на другихъ началахъ, ее нельзя сравнивать ни съ одною изъ операцій, къ которымъ прибѣгло министерство финансовъ со времени объявленія войны. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ: министру финансовъ предоставлено выпускать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства по его усмотрѣнію въ русской или иностранной валютѣ на сумму не свыше 400 милл., но въ отличіе отъ раньше выпущенныхъ обязательствъ государственнаго казначейства выпускаемая теперь подлежатъ учету въ Государственномъ банкѣ, причѣмъ къ учету они могутъ быть представлены какъ Государственнымъ банкомъ, такъ и частными лицами. Изъ этого прежде всего слѣдуетъ, что правительство, повидимому, не расчитываетъ на размѣщеніе займа ни за границей, ни внутри страны, — и главнымъ, если не единственнымъ источникомъ являются ресурсы Государственного банка. Къ значенію этой операціи и ея особенностямъ мы обратимся въ слѣдующей статьѣ.

„Русск. Вѣд.“

ЖУПЕЛЬ

Стрѣлы.

ЖУРНАЛИСТИКА.

въ эпоху великой революціи.

(продолженіе).

Мара - Кассандра, растрепанный какъ Пиѳа, гипертрагикъ и трагикотатосъ помѣткому названію Демулена, убитый за корректуру своей газеты Шарлоттой Кордэ, какъ воплощеніе террора, удостоился быть чести похороненнымъ въ Пантеонѣ, что бы черезъ короткое время быть брошеннымъ въ клоаку. Если органы крайнихъ лѣвыхъ партій были необузданны и кровожадны, то въ этомъ имъ не уступали и крайнія правыя. Казни и мученія патриотовъ требовали „Другъ Короля“ абатта Рою и „Дѣяніе Апостоловъ“ псевдо-графа Ривороля, Свифта революціи, проектировавшаго массовой подкупъ, всѣхъ кто можетъ содѣйствовать возстановленію престижа монархіи, на что и просилось всего 140 тысячъ франковъ ежемѣсячной субсидии. Что бы не быть голословнымъ въ утвержденіи о жестокости роялистскихъ листовъ, мы приводимъ нѣсколько примѣровъ: такъ въ одномъ изъ памфлетовъ правой писалось: „Рты Фулона и Бертье набили сѣномъ и головы ихъ носили по Парижу. Тоже слѣдуетъ сдѣлать съ мерзавцами, которые осмѣлились наложить святотатственную руку на имущество духовенства и владѣнія дворянъ, но прежде надо съечь на медленномъ огнѣ этихъ проклятыхъ пивокъ нашего имущества“; въ другомъ: „Надо произвести строгую расправу надъ Шарлемъ Ламетомъ, Борнавомъ, Дюпоромъ, Робеспьеромъ, епископ. Отенскимъ, Мирабо старшимъ, Шапелье, Дюбуа-Крансе, оскорбляющими армію, надо насладиться зрѣлищемъ ихъ казни, какъ ихъ будутъ казнить, какъ казнять жабъ въ деревняхъ, насадивъ на остріе палки на развалинахъ Бастиліи и жечь на медленномъ огнѣ“. Значительно умѣреннѣе были конституціоналисты, фетельянцы, эбертисты, жирондисты, издававшіе множество газетъ, изъ которыхъ „Провансальскій Курьеръ“ Мирабо, „Разсвѣтъ“ Баррера, „Французскій Патриотъ“ Бриссо, „Парижская Революція“ Прюдомъ „журналъ“ Патриотовъ и Литературы“ корлевскаго ех-библиотекаря Карра—были наиболѣе замѣчательныя. Наконецъ „Революція Франціи и Брабанта“ Камилъ Демулена. Того Демулена, который первый ударилъ въ революціонный набатъ, призвавъ 12 іюля 1879 года парижанъ къ оружію; черезъ два дня Бастилія пала и Камилъ былъ однимъ изъ первыхъ вошедшихъ на брешь. Первый номеръ своей „Революціи“ онъ началъ такимъ прощальнымъ провозглашеніемъ республики: „Будьте увѣрены, говоритъ онъ, „задача большихъ

республикъ рѣшена. Съ каждымъ днемъ меня все больше и больше удивляетъ здравый смыслъ поденщиковъ и работниковъ; Сентъ-Антуанское предмѣстье умнѣетъ, мы большими шагами идемъ къ республикѣ. Демократовъ уже много, но они слишкомъ любятъ свое отечество, что бы повергнуть его въ ужасы междоусобія; подождите нѣсколько лѣтъ, разумъ восторжествуетъ безъ кровопролитія“. Но мечтамъ утописта не пришлось исполниться и впоследствии онъ пишетъ, что республика является созданіемъ активныхъ гражданъ а „активные граждане тѣ, которые взяли Бастилію, которые разрабатываютъ поля“. „Въ Революціи Франціи, и Брабанта“ и въ послѣдующемъ своемъ изданіи „Старый Кордельеръ“ Камилъ неукоснительно проводилъ идеи, которыя вскорѣ возвели его на эшафотъ, эти идеи высокой, искренней, теплой гуманности, горячей любви къ дѣлу рукъ своихъ-революціи и ненависти ко всему, что роняло, марало ее, что подвергало ее безплезненнымъ опасностямъ или справедливой насмѣлкѣ. Во имя этой идеи онъ возвелъ на эшафотъ жирондистовъ съ Бриссо и эбертистовъ съ Клоцомъ, и впоследствии самъ вмѣстѣ съ Дантономъ сложилъ голову на филантропическомъ изобрѣтеніи доктора Гильотена.

Какъ только ужасы террора, ложившіеся тяжелымъ гнетомъ на живой и общительный характеръ націи затемнили въ народномъ сознаніи основную идею революціи и народъ вспомнилъ о бывшемъ управленіи при которомъ не нужно было скрывать свои маленькіе пороки и слабости—тогда пресса явилась отголоскомъ этихъ желаній и оружіемъ въ рукахъ реакціи. Почуя новое направленіе общественныхъ симпатій ех-террористъ Фреронъ этотъ безчестный и ничтожный человекъ переходитъ со своимъ „Народнымъ Ораторомъ“ въ ряды прессы золотой молодежи мюскаденовъ, гдѣ Тальенъ во вновь имъ начатомъ, „Другъ Гражданъ“ уже требовалъ казни якобинцевъ, а Мартенвиль выпустилъ противъ нихъ же популярный пасквиль. Воплощеніемъ Террора былъ Культъ Марата и вотъ пресса, находившаяся теперь болѣею частью въ рукахъ мюскаденской молодежи, повела компанію противъ этого культа, провознося до небесъ Шарлотту Кордэ. Фреронъ на страницахъ „Народнаго Оратора“ гдѣ еще недавно онъ обращался съ патетическимъ обращеніемъ къ тѣни Марата—„Безсмертная тѣнь! помоги мнѣ спасти отечество, помоги уничтожить усиливающіеся снова роялизмъ, модерантизмъ и аристократію“ помѣстилъ статью въ которой убѣждаетъ молодежь не ограничиваться одними словами и

„ГОРДІЕВЪ УЗЕЛЪ“

(БАСНЯ).

Надъ преогромнѣйшимъ узломъ,
Что былъ для всей страны тяжелымъ зломъ
Толпа „богатырей“ собралась,
Чтобы отчизнѣ пособить.
Пришла, понюхала и гордо обѣщавшись
Однимъ ударомъ узелъ разрубить.
Когда-же
Взялись за дѣло сгорая,
То оказалось даже,
Что ни одинъ изъ нихъ не смогъ поднять меча,
Не только-что служить ударомъ
И весь ихъ пылъ пропалъ задаромъ.

* * *

Читатель мой! На этотъ разъ нельзя-ль
Чтобы ты самъ нашелъ мораль?

Иксъ.

палочными битвами противъ якобинцевъ и террористовъ, а взятыя за оружіе и перебиты ихъ. Другой журналъ „Messenger du Soir“ называетъ бывший комитетъ спасенія „комитетомъ убійцъ“ а относительно Марата писалъ: „настало наконецъ, время изобразить этого человека, который приобрѣлъ себѣ громадную славу самую безнравственною проповѣдью, въ его истиннымъ свѣтъ. Простакъ имѣлъ къ нему слѣпое благоговѣніе, властолюбивыя проиходи умѣли пользоваться этимъ для своихъ цѣлей; люди умные внутренне вздыхали, считая Марата презрѣннымъ безумцемъ. И въ самомъ дѣлѣ можетъ ли тотъ, кто требовалъ 300 тысячъ головъ для основанія республики и предлагалъ самого себя въ ея депутаты, заслуживать какого либо уваженія у людей имѣющихъ хотя искру здравого человѣческаго разума“. Развѣнчавъ Марата, добившись казни большинства террористовъ, пресса продолжала являться выразительницей общественнаго мнѣнія и тогда, когда оно явно склонилось въ пользу роялизма „Конветъ, говорилось въ ней, стремится къ тому, что бы, оставивъ въ рукахъ своихъ силу, возобновить систему террора, за которую онъ отвѣтственъ, даже какъ ея участникъ. Тиранія всегда безумнѣе и разрушительнѣе, когда производится многими, нежели когда однимъ.“

Боязнь террора чуть не заставила народъ отказаться отъ самой идеи республики и вновь склониться предъ Орлеанами. Пушки Бюнопарта спасли республику, заставивши народъ принять директорію. Не геніальностью полководца обусловливалась эта побѣда, а пассивностью большинства, угнетеннаго тираніей деспотовъ и тираніей террора.

Подавленіемъ возстанія роялистовъ 8-го вандиміера оканчивается эпоха Великой революціи и Буржуазная республика становится совершившимся фактомъ. Единство интересовъ

распалось на мелкіе классовые. И бурное море журналистики обратилось въ стоячія воды, подернувшіяся плесенью—интересами, заботами имущихъ классовъ и только кое-гдѣ живые ключи иныхъ запросовъ прорываютъ мертвую поверхность французской журналистики настоящаго времени.

Н. Малиновскій.

Пѣсня о Топорѣ.

На Невѣ, рѣкѣ широкой,
Змѣй Горынище лежалъ.
Сто головъ у злого змѣя,
Сто кровавыхъ острыхъ жалъ.

Я на Змѣя вышелъ въ поле:
Али мнѣ себя беречь?
И въ чешуйчатое брюхо
Угодилъ мой острый мечъ.

Угодилъ... да и сломился!
Видно зла не одолѣть:
Душить Змѣй меня въ полонѣ,—
Съ обухомъ не сладить плеть!

Я въ полонѣ не робѣю,
Гнѣва мести не таю,—
На чешуйчатого змѣя
Пѣсню грозную пою:

„Много скрытаго желѣза
Въ рудникахъ родимыхъ горъ,—
Закалю желѣзо сталью,
Острый выкую топоръ.“

„Много дуба матерого
На лѣсномъ шумитъ яру,—
Есть откуда выбрать-сдѣлать
Рукоятку къ топору.“

„Много юныхъ много смѣлыхъ
Въ старыхъ русскихъ городахъ,—
„Бодрыхъ духомъ, твердыхъ сердцемъ,
Съ гордой правдой на устахъ.“

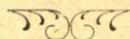
„Ужъ у нихъ ли не найдется
Воли выйти на просторъ,
Изъ руки моей усталой
Взять отточенный топоръ?“

„Ужъ у нихъ ли не найдется
Крѣпкихъ рукъ, могучихъ плечъ,
Чтобы Змѣю-лиходѣю
Сто головъ его отсѣчь?“

„Приходи, боецъ желанный!
Я жъ молчу... топоръ точу...
Жду; кому-то опъ придется
По рукѣ да по плечу?“

Александръ Амфитеатровъ.

„Зритель.“

Новогоднія предсказанья.

Горькая баллада.

Новому году.

Если бѣденъ ты талантомъ,
Будешь флигель-адъютантомъ,
Лишь командуй „пли“ да „пли“,
Да людей кругомъ вали...

Если ты рожденъ курьеромъ,
Будешь графомъ и премьеромъ,
Настроенья примѣчай,
На хозяина не лай.

Если ты рожденъ шакаломъ,
Будешь вице-адмираломъ,
Броненосцевъ не чини,
Что увидишь—все тyani!

Если ты рожденъ невѣрно,
Будешь въ Пажескомъ навѣрно—
Только ты въ своемъ кругу
О папашѣ ни гу-гу...

Если ты рожденъ дурашкой,
Будешь маленькимъ плюгашкой—
Вправо, влѣво, какъ волчекъ,
Будешь прыгать дурачекъ.

Если ты не подъ надзоромъ,
Будешь скоро прокуроромъ—
Ибо только прокуроръ
Не беретъся подъ надзоръ...

Если ты рожденъ евреемъ,—
Значить—долженъ быть злодѣемъ—
Ибо Меньшиковъ кричитъ,
Что Россію „жидъ“ мутить.

Если вы Душою чисты,
Значить вы социалисты:
Кто не воръ и не шпионъ,
Въ списокъ красныхъ занесенъ.

Остальныхъ, коль не убьютъ,
Въ Думу членами пошлютъ—
Но, увы, не знаю самъ,
Не повѣсятъ-ли ихъ тамъ...

„Зритель“ Саша Черный.

Разъ въ кровавый вечерокъ
Дѣвушки гадали...
Вдругъ является пророкъ,
Вѣстникъ ихъ печали:
„Вамъ бы, дѣвицы, туда—
За море, къ тѣлушкѣ,
Иль съѣдятъ васъ господа
Въ звѣздахъ и мерлушкѣ.
Тамъ—привольное житье,
Нѣтъ битья пагайкой;
Полицейское дубье
Не громить тамъ шайкой
Не возьмутъ васъ палачи
На позора ложе;
Тамъ не страшны стрекачи,
Блудные вельможи.
Вамъ бы, дѣвушки, туда—
Только поскорѣ:
Передъ смертію орда—
Все смѣлѣй, смѣлѣе!“

„Зл. Духъ“ Вампирь.

На Руси.

Пушки... Пулеметы...
Голодь, нищета...
Родина, за что ты
Небомъ проклята?
Горе—адмиралы
Города берутъ,
Свиты генералы
Мужиковъ дерутъ...
Обыски, аресты,
Ссылки и тюрьма...
Бойни, манифесты...
И чума, чума!..

„Волш. Фон.“ Нико.

Изъ лона вѣчности безбрежной
Являясь міру въ свой чередъ,
Что ты несешь Россіи мятежной
Новорождающійся годъ?

* * *

Конецъ положишь ли обманамъ?
Смиришь ли гибельную блажь?
И исцѣленье всемъ ли ранамъ
Отчизны мающейся дашь?

* * *

Внушишь ли юности тревожной
Къ труду священную любовь,
И цвѣтъ Руси съ дороги ложной
На вѣрный путь вернешь ли вновь?

* * *

Зажжешь ли лучъ отраднѣйшій свѣта
Во тьмѣ, сгубить готовый насъ?
Какъ въ старину, мужей совѣта
Пошлешь ли намъ въ тяжелый часъ?

* * *

Сметешь ли гнусную крамолу
И, воздвигая Русь изъ золь,
Вернешь ли Царскому Престолу
Самодержавья ореоль?

* * *

И если вновь, замолкшій нынѣ,
Войны внезапно грянетъ громъ,
Христовыхъ воиновъ дружинѣ
Побѣду дашь ли надъ врагомъ?..

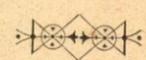
* * *

Когда бъ мечта осуществилась,
Когда бы вѣдать напередъ,
Что все, къ чему душа стремилась,
Несетъ съ собою Новый Годъ!

* * *

Но силы нѣтъ необычайной
Подвесьте грядущему итогъ,
И мы стоимъ предъ новой тайной
Полны сомнѣній и тревогъ!

Д. Павловъ.

Отв. Редакторъ Н. П. Малиновскій.
За Издателя Н. П. Малиновскій.

ПОЖАРЪ.

[Баллада].
(Съ англійскаго).

О, милордъ! Доложите скорѣй королю...
Задыхаюсь я. Мрачно извѣстіе...
Насъ Господь посѣтилъ... Доложите молю
Что пожаръ уничтожилъ предмѣстіе!
О, милордъ, доложите скорѣй королю!—
Вы смѣшны, милый мой, вы смѣшны, ma parole!
Оттого, что домишки сгорѣли,
Вы хотите, чтобъ сонъ потревожилъ король?
Онъ еще поживаетъ въ постели.
О, милордъ! Пламя быстро и грозно растеть...
Неужели несчастье васъ радуеть!
Дымъ нависъ и пожаръ безпощадно идетъ,
Искры въ городъ разбуженный падаютъ...
О, милордъ, пламя быстро и гнѣвно растеть!—
Вы смѣшны, милый мой; я скажу вамъ: c'est drôle—
Вѣдь вы можете дать мнѣ отсрочку.
Только пять лишь минутъ, какъ проснулся король;
Онъ теперъ примѣряетъ сорочку,
О, милордъ: Доложите скорѣй... мы горимъ!—
Цѣлый городъ въ огнѣ: гибнуть братія...
Заклинаю васъ! Видите, видите дымъ?...
Всюду вопли и крикъ и проклятія...
О, милордъ, доложите скорѣй, мы горимъ!—
Вы смѣшны, милый мой; что за странная роль—
Вы мятетесь, какъ запертый въ клѣтку!
Что-жъ я сдѣлать могу? Не одѣтъ нашъ король—
Примѣряетъ свою онъ жилетку.
О, милордъ...
Вѣстникъ тутъ за окно поглядѣлъ
И на плиты упалъ, какъ подкошенный...
Загорѣлся дворецъ! Къ королю полетѣлъ
Лордъ, какъ мячикъ ногою подброшенный.

Вотъ и все про пожаръ! Но въ балладѣ вся соль,
(Такъ кончается пѣснь старины)
Въ томъ, что умеръ въ огнѣ neodѣтый, король
Не успѣвши примѣрить штаны.

Янки Дудль.

„Дев. В.“

Содержаніе № 2-го.

- 1). „Новый годъ“—оригин. рис. Пронскаго.
- 2). „Пророкъ“—стих. П. Морозова.
- 3). „Новый годъ“—И. З—на.
- 4). Стихотвореніе—кн. О. Ш.
- 5). „Новогодній сонъ“—Гамаюна.
- 6). „Старая записка“—Григорія Е.
- 7). „Волшебныя рукавицы“—Грифа.
- 8). „Идутъ“—ориг. рис. Пронскаго.
- 9). Изъ журналовъ—копіи.
- 10). Журналистика и Революція—Н. Малиновскаго.
- 11). „Движеніе возстановлено“—ориг. рис. Пронскаго.

Движение
возстановлено.

Майский
окт. 1945.

The traffic is reestablished!